

Юй Сингэ на сцене ни о чём не подозревал — он ушёл в выступление без остатка. Красивый глассандо толкнул музыку к кульминации, все инструменты грянули разом, огни и людское море колыхнулись, потекли живым океаном.

Даже на самых высоких нотах Чэн Цзие звучал безупречно — ослепительно и неотразимо.

В оглушительном потоке звуков солист и гитарист встретились взглядами. Барабанный бой сжимал сердце. Музыка, закрученная воронкой, затянула их обоих — пьянящую, хаотичную, накатывающую волнами.

Юй Сингэ заметил, что у Чэн Цзие неестественно глубокие глаза. Увлечённый общим настроением, он поймал краешком взгляда, как свет скользит по уголкам его глаз — чуть покрасневшим, — и понял: это не наигранное опьянение. Это место, куда возвращается музыка.

Волна, готовая поглотить с головой. Аплодисменты и овации не могли перекрыть грохот — барабанный бой, сигаретный дым и танцы, алкоголь, каблуки и запах пота в давящей толпе, — всё это разом взорвалось и унесло людей в зазеркалье гибельного искусства. Словно они провалились сквозь время — в полутёмные залы прошлого века, в дрэг-шоу и рок-н-ролл.

Юй Сингэ отвёл взгляд. После одного-единственного взгляда Чэн Цзие ему остро захотелось воды — горло пересохло, будто он проглотил кусок хлеба целиком, — но он не сбился с ритма, продолжая перебирать струны.

Группе нужен гитарист. В этом романе нужен зелёный листок на краю кружева. Профессиональная этика — прежде всего.

Сценический свет метался, переключая фокус. Гитарист рассёк воздух, наполненный тайным напряжением, — плавные ноты и вариации перекрыли беспокойную толпу.

Среди сотен жадных взглядов, летящих со зрительного зала, кудрявый гитарист, вошедший в раж, уловил один — совершенно иной. Но стоило попытаться его поймать, тот уже скользнул обратно в темноту зала и растворился.

Юй Сингэ едва заметно приподнял бровь. Годами вращаясь среди охотников и жертв, он умел без труда распознавать намерения тех, кто смотрел на него. Этот взгляд нёс в себе скрытое течение — хищное, клыкастое, — похожее на ощущение, когда чуешь почти своего.

Охота. Желание переступить чужую черту.

Юй Сингэ неосознанно улыбнулся — брови взлетели вверх, уголки глаз приподнялись. Золотистый отлив деки купался в том же свете, что падал на него, стирая с его облика всю детскую непосредственность и делая его красивым, дерзким.

Чэн Цзие, который даже во время пения успевал поглядывать на своего гитариста, вдруг замер — и прежде чем снова открыть рот, не удержался, бросил ещё один взгляд на Юй Сингэ. Кудрявый гитарист дёрнул струну — и весь засиял, не оторвать глаз.

Чёрт его знает, чему он там улыбается в зал.

До чего же бросается в глаза.

Для их «чистого» гитариста выглядеть вот так — дело опасное.

Чэн Цзие слегка лениво опустил взгляд. Стойка микрофона в руке была ледяной, и его голос плавно скользнул в более низкую тональность.

Тот взгляд быстро исчез, и Юй Сингэ потерял к нему интерес — взаимодействие с группой становилось всё слаженнее. Чарльз за барабанами не переставал ухмыляться.

Выступление завершилось под аплодисменты и крики. Около трёх часов — и когда они наконец ушли со сцены, снова наступила глубокая ночь.

Перед уходом публика потребовала бисов и забросала сцену мягкими игрушками. Ли Гу едва не споткнулся об одну из них и в итоге, смирившись с судьбой, забрал её домой — дочери.

Несмотря на то что была глубокая ночь и многие в зале основательно выдохлись — танцевали и пели часами, — кое-кто из особо проворных фанатов всё же поджидал Чэн Цзие у бокового выхода, чтобы сунуть ему записку. Нашлись и смельчаки, ринувшиеся прямо к нему с подарками в руках. Чэн Цзие заранее надел кепку, натянул козырёк как можно ниже и выскользнул через боковую дверь.

В мусорное ведро, куда он небрежно выбросил записки, легли телефонные номера с отпечатками губной помады, от откровенного содержимого которых у нормального человека уши бы в трубочку свернулись, а ещё — гостиничный номер. Всё это переплелось в хаотичный клубок нитей без начала и конца.

ONE — постоянная резидентная группа в этом баре, они здесь уже год-другой, успели обрасти немалой фанбазой. Но Чэн Цзие среди «музыкантов-гулён» был из тех, у кого всё же есть принципы, — клеиться к фанаткам было ниже его достоинства.

Чарльз и остальные знали, что их солист и Юй Сингэ живут под одной крышей. Помахали рукой на прощание — и немного удивились, не увидев Юй Сингэ рядом.

Чэн Цзие уже собирался зайти через боковую дверь и поискать его, как вдруг увидел: в тени у дверного проёма, с гитарным чехлом за спиной, Юй Сингэ принимал из рук какой-то девушки охапку цветов.

Девушка носила косы с алой лентой, на ней было платье того же цвета. Держалась немного застенчиво — говорила что-то Юй Сингэ, и сквозь общий шум можно было разобрать: цветы предназначены ему.

Едва начав говорить, она смутилась. Слова не шли — запинаясь, она так и не сказала толком ничего.

В поле зрения Чэн Цзие — Юй Сингэ улыбнулся ей, сказал, что цветы ему очень нравятся. Девушка явно выдохнула с облегчением, алые ленты в косах качнулись, и она помахала ему рукой на прощание — с какой-то трогательной непосредственностью, совершенно неожиданной для атмосферы бара.

Взгляд Чэн Цзие переместился на Юй Сингэ.

Тот стоял у бокового выхода, одну руку засунув в карман. Снаружи тяжёлое звёздное небо частично проникало в проём двери. Было видно лишь, как Юй Сингэ принял цветы и прижал их к груди — видно было, что они ему нравятся. Чистое лицо всё ещё светилося улыбкой, алые розы оттеняли её — и он казался чем-то вроде капли росы: прозрачный, незамутнённый.

В узких, глубоко посаженных глазах Чэн Цзие мелькнуло нечто неопределённое.

Когда Юй Сингэ впервые вышел на сцену, ему тоже дарили цветы — но тогда он не взял.

Выходит... — Чэн Цзие мысленно восстановил лицо той девушки. Симпатичная, пожалуй. — Вот какой тип ему нравится?

Что-то неуловимое шевельнулось у него внутри.

А Юй Сингэ в это время пытался вспомнить, что именно ему сказала девушка. Голос у неё был такой тихий, что он едва успел уловить — она передаёт цветы от подруги, — как та уже умчалась.

Цветы были красивые. Слой за слоем, завёрнутые в газету, они раскрывались с чем-то неукротимым и вызывающим.

Совсем непохоже на застенчивый характер той девушки.

Если цветы от подруги — где же сама подруга?

Юй Сингэ смотрел на розы, обдумывая этот вопрос.

И тут рядом упала тень. Непокорная прядь Чэн Цзие отбросила тонкий силуэт на розы. Юй Сингэ повернул голову — и перед ним оказалось лицо мужского протагониста: резкое, непробиваемо серьёзное.

Юй Сингэ повернулся слишком резко. Через охапку роз между ними осталось совсем мало воздуха — дыхание сблизилось.

Запутанный и одновременно свежий, опьяняющий аромат цветов.

Чэн Цзие на миг замер. Отступить на шаг казалось слишком неловким, он остался стоять — встретился с каштановыми глазами Юй Сингэ. Голос прозвучал почему-то суховато:

— Идём?

На самом деле розы очень шли к каштановым глазам Юй Сингэ. Наверное, принц из западноевропейской сказки, выросший среди пшеничных полей и рек, смотрел бы точно так же.

Юй Сингэ взглянул в тёмную глубину напротив — там, как за горизонтом, дремало море, куда тянет броситься с головой. Что-то дрогнуло в груди, он улыбнулся — открыто, светло:

— Подожди секунду.

Ветки под срезанными розами перестали расти ещё в тот момент, когда их срезали, — рано или поздно они увянут. Но Юй Сингэ всегда бережно относился к красивым вещам, пусть даже те принадлежат тебе лишь на миг.

Он аккуратно поправил газетную обёртку вокруг роз. Звёздный свет, пробивавшийся снаружи через боковую дверь, и несколько ламп, ещё горевших в зале, падали на его сосредоточенное лицо.

Глядя на то, как бережно тот обращается с букетом, Чэн Цзие так и не произнёс то, что собирался. Голос прозвучал ровно:

— Цветы от фанатов можно брать. Но...

Он не успел договорить — Юй Сингэ поднял на него ясные глаза. Чэн Цзие на полуслове запнулся.

Кудрявый юноша, не выпуская букет, выдал растерянный звук:

— Хм?

«Не влюбляйся в фанаток» — эту фразу Чэн Цзие проглотил обратно и перефразировал помягче:

— Если хочешь моего совета — лучше направь силы на музыку.

Не на группу. И не на что-то другое.

Говорят ведь: гитарист — самый скандальный в плане личной жизни среди всех участников группы. Только это неточно — кто любит погулять, тому роль не указ. Была бы охота: тут тебе и случайные связи, и постели, и фанатки, и оргии — музыка дарит музыканту ореол, от которого голова идёт кругом, делает его кумиром тысяч, а потом роскошный блеск рамп незаметно забирает у него то единственное, ради чего он вообще сюда пришёл.

Их новый гитарист молод, открыт и при этом наделён внешностью с явным перебором. Так что, конечно, его дело — предупредить.

Юй Сингэ — чистый, искренний человек, влюблённый в музыку; это Чэн Цзие видел с первого взгляда. Тот блеск в глазах, когда он смотрит на гитару. Вот что нельзя терять. Именно поэтому Чэн Цзие и хотел, чтобы, где бы тот ни оказался, этот взгляд у него оставался таким же честным.

Такой взгляд Чэн Цзие и такие слова заставили кудрявого юношу медленно моргнуть.

Он всего лишь принял цветы. Как Чэн Цзие умудрился накрутить из этого столько?

Даже если отвлечься от того, есть ли у него вообще желание заводить отношения, — даже если есть, девушек в качестве партнёра он бы не выбрал.

Юй Сингэ прижал букет к груди:

— Это просто чья-то добрая воля.

Прищурился с улыбкой и добавил:

— Но я понял, что ты имеешь в виду.

— Спасибо тебе, гэ, — тихо сказал он.

Пусть он и не знал, какими горными тропами промчалась мысль Чэн Цзие, это несколько не

мешало Юй Сингэ думать: мужской протагонист оказался не таким, как стандартный главный герой из типичного ванься.

Вот уж любитель всё усложнять, — заключил про себя Юй Сингэ.

Чэн Цзие кивнул — и снова поймал себя на том, что «гэ» у этого человека так и крутится на языке.

Но улыбка у него была такая сладкая, такая располагающая... Чэн Цзие помедлил — и в конце концов молча принял это обращение.

Когда Юй Сингэ вышел через боковую дверь, Чэн Цзие по-прежнему хранил свою холодную, задумчивую позу. Юй Сингэ прижал букет к себе, скользнул взглядом по резким чертам лица под спутанными тёмными волосами — и не удержался, мысли понеслись в сторону:

В принципе, с главным героем роман заводить нельзя. Но переспать — это ведь совсем другое, верно?

Он был вполне серьёзно настроен воплотить эту мысль в жизнь.

Случайность. Хорошие друзья вполне могут оказаться в постели вместе — почему нет?

Но в итоге это остановила совесть Юй Сингэ — она заняла ровно вовремя.

Впрочем, он не торопился.

У Юй Сингэ всегда было запасено больше всего терпения. То, чего он хотел добиться, в конечном счёте — он добивался.

Он подождёт, пока главный герой сам не прыгнет к нему в миску.

<http://bllate.org/book/18241/1758559>